

DOI: 10.24412/2587-7844-2023-4-63-73

УДК 82-31

МОТИВ ПУТИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В РОМАНЕ Е. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»¹

Н.А. Вальянов (Красноярск, Санкт-Петербург, Россия)

П.И. Зубкова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Статья посвящена изучению категории мотива в современном литературоведении. На материале романа «Лавр» – одного из ведущих произведений зрелой прозы Е. Водолазкина – исследуется мотив пути как сквозной в русской литературе и творчестве писателя в частности. Определяется его художественно-эстетическое и лексико-семантическое значение в границах авторского повествования.

Цель исследования – определить функциональное значение мотива пути в пространстве романа-жития Е. Водолазкина «Лавр», наследующего жанровые традиции древнерусской словесности.

Методы исследования: культурно-исторический, структурно-семиотический.

Результаты исследования. Мотив пути представляется структурообразующим в произведении Е. Водолазкина «Лавр». «Путевая» тема, маркируемая в авторском определении жанра произведения – «роман-житие», отсылает к русской средневековой традиции; особое внимание акцентируется на специфике агиографического стиля повествования. Прохождение пути главным героем в вертикальной (а не горизонтальной) проекции подтверждается изучением лексико-семантических особенностей нескольких его имен. Эти имена преемственно сменяют друг друга, и в представленной последовательности явлена закономерность: каждое последующее имя «возвышает» главного героя, приближая его к сакральному статусу, маркирует его особый – богоизбранный – путь.

Выводы. Художественное, лексико-семантическое, ассоциативное значение мотива пути становится определяющим на всех уровнях авторского повествования – формирующим идеологию и эстетику произведения, его структурно-типологическую конъюнктуру, убедительно отражающим литературную преемственность и культурную традицию.

Ключевые слова: Е.Г. Водолазкин, Лавр, роман-житие, мотив, путь, жанр, древнерусская литература.

Постановка проблемы. Мотив пути – один из архетипических мотивов в отечественной словесности. Апеллируя к библейской и устно-поэтической традиции, текстам древнерусской книжности, ведущим произведениям русской классической литературы, отметим, что художественный интерес к сюжетам *странничества, паломничества, путешествия* не исчерпан и в актуальной

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-18-00408, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00408/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

русской литературе. В словесности Древней Руси мотив *пути* появляется в произведениях различных жанров – *слово* («Слово о полку Игореве»), *житие* («Житие Евстафия Плакиды», «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное»), *хождение* («Хождение за три моря» Афанасия Никитина, «Хождение Богородицы по мукам»), *повесть* («Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим») и др. [Вальянов, 2023, с. 37–50]. В литературе XVIII столетия появляются *путевые заметки* и *дневники*, где мотив *пути/дороги* и соотносимый с ним мотив *встречи* организуют хронотоп «чужого мира» («Описание Сибирского царства» Г. Миллера, «Оренбургская топография» П. Рыжкова»), отражающий мировосприятие авторов эпохи, когда идеальная/утопическая Россия мыслилась не соотнесенной с предшествующей.

Произведение современного русского писателя Е. Водолазкина «Лавр», посвященное жизнеописанию и мировоззрению человека эпохи Древней Руси, непосредственно берет начало в культуре русского средневековья и на идейно-тематическом, мотивном уровнях повествования отражает структурно-типологические особенности упомянутых нами текстов. Авторское определение жанровой специфики произведения как *роман-житие* также свидетельствует о неразрывной связи с ведущими жанрами древнерусской литературы.

Вслед за И. Силантьевым, мы рассматриваем категорию *мотива* следующим образом: «...это эстетически значимая повествовательная единица, интертекстуальная в своем функционировании, инвариантная в своей принадлежности к языку повествовательной традиции и вариантная в своих событийных реализациях, а также соотносящая в своей семантической структуре предикативное начало действия с актантами и пространственно-временными признаками» [Силантьев, 2004, с. 96].

Путь является центральным элементом категории художественного пространства – одной из важнейших в современном литературоведении, отражающей как национальную картину мира, так и способы самоопределения личности в бытии, что отмечалось еще Ю. Лотманом [Лотман, 1996, с. 205]. В контексте пространственной категории «путь» является фундаментальной семантической составляющей. Одной из главных пар, составляющих бинарную оппозицию, является антиномия «жизнь/смерть», где *жизнь* маркируется как путь/судьба человека, а *смерть* является завершением этого пути [Дрыга, 2010, с. 16].

Цель статьи – определить функциональное значение мотива пути в пространстве романа-жития Е. Водолазкина «Лавр», наследующего жанровые традиции древнерусской словесности.

В работе используются историко-культурный, структурно-семиотический методы.

Результаты исследования. Мотив *пути* – один из структурообразующих в романе «Лавр» и в прозе Е. Водолазкина в целом [Ковтун, 2023, с. 115–135]. Главный герой Арсений как в буквальном, так и в метафорическом смысле является

путником, совершающим путешествие в разные места и государства. В пределах литературного сюжета, как видится, происходит своеобразная трансформация героя. Представленный в начале художественного повествования еще совсем юным – мальчиком, Арсений проходит тернистый путь и становится мудрецом, чей образ атрибутивно отсылает к образу юрода. «Путевая» тема, маркируемая уже в авторском определении жанра произведения – «роман-житие», развернута к агиографическому стилю древнерусской литературы, о чем рассуждает сам писатель:

*Проблема описания «положительно прекрасного человека» чрезвычайно сложна. На современном материале решать ее почти невозможно, а если и возможно, то для этого нужно быть автором князя Мышкина. Я понимал, что, взятый с нынешней улицы, такой герой будет попросту фальшив. И я обратился к древней форме – к **житию**, только написал это житие современными литературными средствами [Лавр..., 2013].*

Говоря о художественно-эстетическом единстве романа-жития Е. Водолазкина с произведениями русской средневековой литературы, необходимо отметить, что в повествовании принципиально значимую роль играет историко-культурный контекст выбранной литературной эпохи: в «Лавре» регулярно появляются аллюзии на древнерусские тексты, что засвидетельствовано некоторыми авторитетными исследователями, в частности О. Неклюдовой [Неклюдова, 2015, с. 119]. «Александрия» и «Сказание о Соломоне и Китоврасе» и вовсе цитируются по ходу сюжета. *И прошел Александр от того места сто дней, и приблизился к пределам вселенной, ощутив тоску («Александрия»)* [Водолазкин, 2014, с. 39]. *Когда Китовраса вели к Соломону, он увидел человека, покупавшего себе сапоги. Человек захотел узнать, хватит ли этих сапог на семь лет, и Китоврас рассмеялся. Идя далее, Китоврас увидел свадьбу и расплакался («Сказание о Соломоне и Китоврасе»)* [Там же, 2014, с. 21].

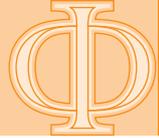
Произведение «Александрия» как факт материальной книги возникает в сюжете с невероятной частотностью:

– Арсений читает или листает ее сам себе: *Александрию Арсений читал постоянно. <...> При первых словах Александрии к Арсению подходил волк. <...> Вместе с Арсением внимательно следил за событиями жизни македонского царя* [Водолазкин, 2014, с. 39].

– Она находится рядом с ним: *Лежит животом вниз, рядом с ним закрытая Александрия* [Там же, с. 44].

– Он читает ее вслух возлюбленной, а после уже над ней как Священное Писание: *Он вспомнил, что при жизни она любила слушать Александрию, и начал читать Александрию. Ее реакция на роман об Александре всегда была живой, и сейчас, по мнению Арсения, это могло сыграть свою положительную роль* [Там же, 2014, с. 103].

– Вспоминает об основных моментах истории, видя перед собой нечто схожее: *Так сколь же разнообразен мир, думал Арсений, и вспоминал сходные*

описания Александрии, и спрашивал себя, каково же место перечисленных явлений в общем порядке вещей. Ведь не может же их существование (спрашивал себя) быть недоразумением в мире, устроенном разумно? [Водолазкин, 2014, с. 148]; Арсений беззвучно крикнул матросам, чтобы спасались, но они продолжали свое странное движение. Надвинутые капюшоны уподобляли их удивительным существам из Александрии [Там же, 2014, с. 335].

– Позднее вспоминает о путешествиях Александра с более детальной точностью, нежели о собственных, указывая на сам факт произведения, повлиявшего как на свою личность, так и на память: *Лавр хочет рассказать о своем путешествии в Иерусалим, но не может его вспомнить. Он долго думает и вспоминает Александрию* [Там же, 2014, с. 424].

Действительно, значение образа Александра и его действий как полководца становится определяющим для всей жизни главного героя – он сравнивает себя с ним, в том числе и по внешним признакам. С детства, неоднократно перечитывая произведение, Арсений находит общее даже в их именах: *Для жителей слободки это прозвище не имело смысла, поскольку все они были рукинцами. Иначе сложилось с Арсением. Даже внутри самой слободки его стали определять как Рукинца. Это воспринималось как своего рода выдача почетного гражданства, как именование любимого им Александра – Македонцем* [Там же, 2014, с. 62].

Однако в этом вопросе их отличал тот факт, что Арсений на протяжении жизни меняет четыре имени *Арсений – Устин – Амвросий – Лавр* и отзывается на два прозвища – Рукинец и Врач – ввиду его целительного дара. Сквозным мотивом в художественном повествовании, связующим судьбы двух книжных персонажей, становится *путь*, который преодолевает каждый из них.

Впервые «Александрия» появляется в первой главе – «Книге познания». Арсений, увлеченный чтением древнерусского памятника, видит цель своего жизненного пути в познании мира. В «Книге отречения» этот же текст, уже не воспроизводимый, а лишь припоминаемый героем, также фигурирует в истории и определяет судьбу Арсения: он продолжает свой путь познания, находясь в поисках ответов на бытийные вопросы [Махихина и др., 2019, с. 187].

Эксплицитно избранный мотив отражается в «Книге пути», описывающей путешествие Арсения в Иерусалим, подобно Александру, дорога которого также устремлена в землю обетованную. В священном городе принимающему христианство Александру пророк Иеремия предсказывает достижение рая: *На помощь призывай Бога Саваофа – и силу персидскую победишь, и всему от востока до запада царем станешь, и когда все это совершишь, тогда дойдешь до места, близкого к раю* [Александрия Сербская, 2003].

Однако Александр не осознал достигнутого, поскольку его путешествие не увенчалось успехом, подчеркивается в изречении монаха: *Александр был мозабвенным путешественником, и дорога сама расстилалась под его ногами* [Водолазкин, 2014, с. 296]. То же чувствует и Арсений: уподобляя себя образу

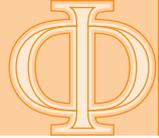
полководца, он определяет и общность их путей: *Иногда я чувствую себя Александром. И дорога сама расстилается под моими ногами. И, подобно Александру, любовь моя, я не знаю, куда она ведет* [Водолазкин, 2014, с. 296].

В этом признании очевиден переход к осознанию героем собственного пути: «самозабвенность» Александра-военачальника, неоднократно возникающий образ дороги (которая «сама расстилается под ногами»), связаны с бесцельностью пути – движение ради движения. Александр, устремленный к пределам земного, расспрашивает знающих людей о том, куда ведут избранные пути; дорога Арсения целенаправленна – это Иерусалим – сокровенная обитель, где он вознесет молитву об Устине во имя упокоения ее души.

В Иерусалиме старец монастыря Иннокентий вовсе развенчивает путь Александра, признавая его неутешительным, организованным, как утверждает А. Шайкин, в «горизонтальной плоскости» [Шайкин, 2021, с. 617]: *И не увлекайся горизонтальным движением паче меры. – А чем увлекаться, – спросил Арсений. – Движением вертикальным, ответил старец и показал вверх* [Водолазкин, 2014, с. 364]. Своим напутствием мудрец словно подчеркивает, что Арсений и Александр находятся в разных проекциях. Принципиально значимым становится образ Александра в «Книге покоя». Внешнее движение героя почти прекращается, на первый план выведен мотив *преодоления внутреннего пути* Арсения-Лавра.

Арсений на протяжении жизни совершает «круговое» движение, что подтверждает идею о цикличности пути героя: он возвращается в то место, которое, по сути, явилось отправной точкой его путешествия [Махинина и др., 2019, с. 187]. *Арсению показалось было, что по запахам и общему состоянию воздуха эта весна была точь-в-точь такой как когда-то в детстве, но <...> Арсений был теперь совершенно другим, и оттого нынешняя весна не имела с его детской весной ничего общего. В отличие от той весны, нынешняя не заполняла уже всего мира* [Водолазкин, 2014, с. 365]. Ключевым в этом контексте нам видится *мотив преображения* героя, замыкающий собственный путь совершенно другим человеком, что свидетельствует об особенностях романно-житийного образа.

Отступая от традиционной композиции агиографических произведений, Е. Водолазкин в собственной литературной истории видоизменяет каноническую модель житийного персонажа, оставляя лишь основные этапы его жизненного пути. Так, например, стоит отметить «внутреннюю»/духовную подвижность Арсения-Лавра, в отличие от канонических святых, являющимися, по сути, статичными – наделенными богоизбранностью уже при рождении/крещении и сохраняющими святость посмертно. Кроме того, в романе Е. Водолазкина особое внимание уделяется любовной интриге, обуславливающей становление и дальнейшее развитие личности героя [Гримова, 2020, с. 99], в то время как «житийный» персонаж плотской любовью или страстями не испытывается – он преследует высокую – нравственную – цель, ограждаясь от земного/мирского.

В образе Арсения-Лавра сочетаются типичные черты как *святого странника*, обретшего уединение и покой, так и *романного героя*, принявшего аскезу во имя спасения души погибшей возлюбленной. Симптоматично и то, что в романе-житии упоминается образ Арсения Великого, в честь которого наречен главный герой: *Особенность человека, о котором идет речь, состояла в том, что он говорил очень мало. Он помнил слова Арсения Великого: много раз я сожалел о словах, которые произносили уста мои, но о молчании я не жалел никогда. Чаще всего он безмолвно смотрел на больного. Мог сказать лишь: тело твое тебе еще послужит. Или: тело твое пришло в негодность, готовься его оставить; знай, что оболочка сия несовершенна* [Водолазкин, 2014, с. 162].

Подвиг молчания, отраженный в философии жизни, свидетельствует о типологической близости персонажей. Арсений чувствует свою вину за смерть человека, которого он «погубил произнесенным словом»; после смерти Устины он продолжает долгое время и вовсе держит *обет молчания*. Общность героев видится и в выбранном ими пути: оба отстраняются от почета, славы, богатства, оставаясь наедине с самими собой для общения с Богом [Ищенко, 2021, с. 225]. Однако заметим, что Лавр не завершает земную жизнь подобно небесному покровителю.

Прохождение пути главным героем в вертикальной (а не горизонтальной) проекции подтверждается изучением лексико-семантических особенностей имен персонажей. Эти имена последовательно сменяют друг друга, и в представленной последовательности явлена закономерность: каждое последующее имя «высшаает» главного героя, приближая его к сакральному статусу – *святому*, и маркирует его особый, богоизбранный путь. Показательно это в семантике первого имени героя (Арсений), окрещенного в честь преподобного: *Он появился на свет <...> в день памяти Арсения Великого. Семь дней спустя во имя Арсения он был крещен* [Водолазкин, 2014, с. 10].

Значение имен героев коррелирует: перевод с древнегреческого имени *Арсений* отсылает к значению «мужественный», что соотносится с семантикой имени *Александр* – «защитник», «мужчина», апеллирует к выраженному мужскому началу, былинной фигуре центрального образа.

Второе имя героя – Устин, приобретенное им в память об умершей возлюбленной. В просторечном варианте имени – Иустин, восходящему к Юстину, указывается на справедливость, символическую праведность героя: – *Как тебя зовут, – снова спросил рот. <...> – Устин, – едва слышно сказал Арсений* [Там же, 2014, с. 161].

Имя, заимствованное у любимой и навсегда связывающее с ней, выражает проявление героем аскетизма, его внутреннюю эволюцию, знаменует зрелость, новый этап духовного взросления. Смена имени персонажа обуславливает качественные трансформации образа героя, демонстрирует изменения его жизненных ориентиров.

Третье имя героя – Амвросий, отсылающее к греческим корням, метафорически указывает на его «божественную», «бессмертную» природу, что соотносится со значением выбранного имени: *Не ищи меня среди живых под именем Арсений, но ищи меня под именем Амвросий* [Водолазкин, 2014, с. 371]. В семантике этого наречения заметно выражена сопричастность статусу святого – герой становится типологически ближе образу Всевышнего.

Последнее имя героя – Лавр – становится сакральным; знаменует торжество, внутреннюю победу персонажа. В античной традиции лавр – атрибут победителя; в мировой культуре этот образ связан с пониманием природы бессмертия, что семантически апеллирует к предшествующему имени героя. *Глядя на седые пряди на полу, Амвросий услышал свое новое имя: – Брат наш Лавр постригает власы главы своей во имя Отца и Сына и Святаго Духа* [Там же, 2014, с. 398].

Последнее имя героя в романе-житии выполняет «обрамляющую» функцию, поскольку воссозданный семантический ряд иллюстрирует путь Христа – его и проходит Арсений-Лавр. Принятие нового имени логически трансформирует образ героя – сначала обращает его к искуплению, а затем – к нравственному возвышению – исполнению Закона. Представленное восхождение Арсения как композиционный прием является устойчивым в поэтике Е. Водолазкина, на что обращает внимание Н.В. Ковтун [Ковтун, 2018, с. 76–92].

Безусловно, в тексте регулярно встречаются лексемы, формирующие лексико-семантические и ассоциативные поля, связанные с образом пути или дороги. Мы обозначаем наиболее репрезентативные в границах художественного повествования автора.

– ПУТЬ как «жизненный путь»: *Арсений шел, испытывая холод и страх. Он и сам не понимал, зачем вышел из тепла. Ему было лишь ясно, что **путь** его ждал трудный – если вообще преодолимый. И он не знал, куда этот **путь** лежит* [Водолазкин, 2014, с. 165]; «направление движения»: ***Путь** к городским воротам он мог бы проделать и с закрытыми глазами* [Там же, 2014, с. 153]; «поездка, путешествие»: *На рассвете караван вновь отправился в **путь**. Построение напоминало вчерашнее, но в точности его не повторяло* [Там же, 2014, с. 274].

– ДОРОГА «жизненный путь»: *В глазах Арсения посадник Гавриил увидел всю его трудную **дорогу*** [Там же, 2014, с. 351]; «поездка»: *По **дороге** они не разговаривали* [Там же, 2014, с. 150]; «заданный маршрут»: *Мы ищем **дорогу** на Оршу* [Водолазкин, 2014, с. 254]; «полоса земли для передвижения»: *<...> грязь смерзлась бороздами и комками, превратив **дорогу** в стиральную доску* [Там же, 2014, с. 49].

– ПУТЕШЕСТВИЕ И ПУТЕШЕСТВЕННИК: *Если верить его расчетам <...>, на **путешествие** у нас есть по меньшей мере десять лет* [Там же, 2014, с. 244].

– СПУТНИК: *Он хочет, чтобы ты стал моим **спутником** на пути в Иерусалим* (цитата Амброджо) [Там же, 2014, с. 241]; *У меня, любовь моя, хороший **спутник**, молодой интеллигентный человек с широким кругом интересов* (цитата Арсения) [Там же, 2014, с. 247].

– ПУТНИК: <...> не было никакой – кроме, может быть, имени – связи между белокурый мальчиком из Рукиной слободки и убеленным сединами **путником**, почти стариком [Водолазкин, 2014, с. 366].

Реже используются в тексте такие слова, как: *попутчик, попутный, путать, путевой и запутанность*.

Таким образом, можно утверждать, что на всех уровнях художественного повествования – идейно-тематическом, мотивном и образном – значение категории пути становится определяющим – формирующим идеологию и эстетику произведения, его структурно-типологическую конъюнктуру, убедительно отражающим литературную преемственность и культурную традицию.

Библиографический список

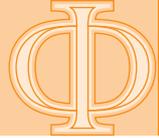
1. Александрия Сербская. Древнерусский текст и современный перевод // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; подг. текста, пер. и комм. Е.И. Ванеевой; под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука. 2003. Т. 8: XIV – первая половина XVI века. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5126> (дата обращения: 01.11.2023).
2. Вальянов Н.А. Мотив хождения по мукам в русской традиционалистской прозе: художественный опыт М.А. Тарковского // Сибирский филологический форум. 2023. № 3 (24). С. 37–50.
3. Водолазкин Е.Г. Лавр: роман. М.: АСТ, 2014. 440 с.
4. Дрыга С.Г. Концепт «Путь» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 24 с.
5. Гримова О.А. Организация нарративной интриги в современном романе: основные тенденции // Narratorium. 2020. № 13. URL: <https://narratorium.ru/> (дата обращения: 15.05.2023).
6. Ищенко Е.А. Древнерусские источники в романе Е. Водолазкина «Лавр» // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. 2021. № 1 (68). С. 223–227.
7. Ковтун Н. «Генерал Ларионов как текст» и его толкователи (на материале романа Е. Водолазкина «Соловьев и Ларионов») // Человек: образ и сущность. 2023. № 3 (55). С. 115–135.
8. Ковтун Н.В. Ухрония как структурообразующий прием в романе Евгения Водолазкина «Авиатор» // LITERATURA (Rusisrica Villnensis). 2018. № 60 (2). С. 76–92.
9. Лавр непросто открывался / Е. Водолазкин // Российская газета – федеральный выпуск. 2013. № 3 (5979). URL: <https://rg.ru/2013/01/11/vodolazkin.html> (дата обращения: 16.05.2023).
10. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – Текст – Семиосфера – История. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

11. Махни́на Н.Г., Сидорова М.М., Насрутдинова Л.Х. Древнерусский текст в романе Е. Водолазкина «Лавр» («Александрия») // Филология и культура. Philology and culture. 2019. № 1 (55). С. 184–189.
12. Неклюдова О.А. Карта контекстов. Роман Е. Водолазкина «Лавр» // Вопросы литературы. 2015. № 4. С. 119–130.
13. Силантьев И.В. Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
14. Шайкин А.А. Александр Македонский и герои романа Евгения Водолазкина «Лавр» // Герменевтика древнерусской литературы: сб. 20 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 611–619.
15. Шайкин А.А. Житийный герой в романном повествовании: «Лавр» Евгения Водолазкина (часть первая) // Словесность и история. 2020. № 4. С. 98–148.

Сведения об авторах

Вальянов Никита Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им В.П. Астафьева; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург); e-mail: nick.valyanov@yandex.ru

Зубкова Полина Игоревна – магистрант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им В.П. Астафьева; e-mail: polina-zubkova@mail.ru

DOI: 10.24412/2587-7844-2023-4-63-73

THE MOTIF OF THE PATH AND ITS MEANING IN E. VODOLAZKIN'S NOVEL *LAVR*

N.A. Valianov (Krasnoyarsk, Saint Petersburg, Russia)

P.I. Zubkova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article is devoted to the study of the category of motive in contemporary literary criticism. Based on the material of the novel *Lavr*, one of the leading works of mature prose by E. Vodolazkin, the motif of the path as a cross-cutting motif in Russian literature is explored. Its artistic, aesthetic and lexical-semantic meaning is determined within the boundaries of the author's narrative.

The purpose of the study is to determine the functional significance of the path motif in the space of E. Vodolazkin's hagiography novel *Lavr*, which inherits the genre traditions of Old Russian literature.

Research methods: cultural-historical, structural-semiotic.

Research results. The motif of the path seems to form the structure in E. Vodolazkin's work *Lavr*. The "travel" theme, marked in the author's definition of the genre of the work, hagiographic novel, refers to the Russian medieval tradition; particular attention is paid to the features of the hagiographic style of narration. The passage of the path by the main character in a vertical (rather than horizontal) projection is confirmed by the study of the lexical and semantic features of several of his names. These names successively replace each other, and in the presented sequence a pattern is revealed: each subsequent name "elevates" the main character, bringing him closer to the sacred status – saint – and marks his special – God-chosen – path.

Conclusions. The artistic, lexical-semantic, associative meaning of the path motif becomes decisive at all levels of the author's narrative – forming the ideology and aesthetics of the work, its structural and typological context, convincingly reflecting literary continuity and cultural tradition.

Keywords: *E.G. Vodolazkin, Lavr, hagiographic novel, modern Russian literature, motive, path, genre, ancient Russian literature.*

References

1. Alexandria Serbia. Old Russian text and modern translation (Text preparation, translation and comments by E.I. Vaneeva) // Library of Literature of Ancient Rus' / RAS. IRLI; Ed. D.S. Likhacheva, L.A. Dmitrieva, A.A. Alekseeva, N.V. Ponyrko. Saint Petersburg: Science. 2003. Vol. 8: XIV–first half of the 16th century. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5126> (access date: 11/01/2023).
2. Valianov N.A. "The walking on the torments" as the motive of Russian traditionalist prose: artistic experience by M. A. Tarkovsky // Siberian Philological Forum. 2023. No. 3 (24). P. 37–50.
3. Vodolazkin E.G. *Lavr: Novel*. Moscow: AST, 2014. 440 p.
4. Dryga S.G. The concept "Path" in the Russian language picture of the world: Abstract. dis. Ph.D. Philol. Sci. Stavropol, 2010. 24 p.

5. Grimova O.A. Organization of narrative intrigue in the modern novel: main trends // Narratorium. 2020. No. 13. URL: <https://narratorium.ru/> (access date: 05/15/2023).
6. Ishchenko E.A. Old Russian sources in E. Vodolazkin's novel "Lavr" // Bulletin of Tver State University. Series: Philology. 2021. No. 1 (68). P. 223–227.
7. Kovtun N. "General Larionov as a text" and his interpreters (based on the novel "Soloviev and Larionov" by E. Vodolazkin) // Man: image and essence. 2023. No. 3 (55). P. 115–135.
8. Kovtun N.V. Uchronia as a structure-forming device in Evgeny Vodolazkin's novel "The Aviator" // LITERATURA (Rusisrica Villnensis). 2018. No. 60 (2). P. 76–92.
9. The laurel did not open easily / E. Vodolazkin // Rossiyskaya Gazeta – Federal Issue. 2013. No. 3 (5979). URL: <https://rg.ru/2013/01/11/vodolazkin.html> (access date: 05/16/2023).
10. Lotman Yu. M. Inside thinking worlds: Man – Text – Semiosphere – History. Moscow: Languages of Russian Culture, 1996. 464 p.
11. Makhinina N.G., Sidorova M.M., Nasrutdinova L.Kh. Old Russian text in E. Vodolazkin's novel "Lavr" ("Alexandria") // Philology and Culture. Philology and culture. 2019. No. 1 (55). P. 184–189.
12. Neklyudova O.A. Map of contexts. Roman by E. Vodolazkin "Lavr". Questions of literature. 2015. No. 4. P. 119–130.
13. Silantiev I.V. Poetics of motive. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 296 p.
14. Shaikin A.A. Alexander the Great and the heroes of Evgeny Vodolazkin's novel "Lavr" // Hermeneutics of Old Russian Literature. Collection 20 / Institute of World Literature RAS; Ch. ed. O.A. Tufanova. Moscow: IMLI RAS, 2021. P. 611–619.
15. Shaikin A.A. Hagiographic hero in a novel narrative: "Lavr" by Evgeniy Vodolazkin (part one) // Literature and history. 2020. No. 4. P. 98–148.

About the authors

Valianov, Nikita Aleksandrovich – PhD (Philology), Associate Professor, Department of World Literature and Methods of its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky (Saint Petersburg, Russia); e-mail: nick.valyanov@yandex.ru.

Zubkova, Polina Igorevna – MA Candidate, Department of of World Literature and Methods of its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: polina-zubkova@mail.ru